

Традиционный казахский кочевой социум: некоторые аспекты исследования

В статье говорится о новых научных способах исследования казахского кочевого социума, о необходимости использования ручного орудия труда и нового теоретико-методологического опыта.

На протяжении двадцати лет независимого развития перед нашей страной, казахстанским научным сообществом социогуманитарной специализации стояла судьбоносная задача – новое осмысление своей истории в контексте центрально-азиатского региона, шире – Евразии, поиск, исследование и «создание/воссоздание» модели этноидентичности «титульного» этноса, других этносов Казахстана (проживающих здесь от нескольких сотен до нескольких десятков лет, по своей воле, или насильно депортированных; следует помнить и об общей этнокультурной основе и истории тюркских народов современной Центральной Азии) [1].

Кардинальной, уникально-специфической особенностью казахского этноса (как и родственных народов – кыргызов, башкир, части узбеков...) является, прежде всего, его *кочевническое прошлое*. Вплоть до второй четверти XX века (до середины 1920-х гг.) казахи входили в число крупнейших (относительно) по численности народов (остальные – монголы и бедуины), продолжавших свой традиционный кочевой образ жизни.

Новое прочтение и осмысление истории казахского этноса предлагают специалисты-профессионалы разных исторических дисциплин: антропологи в ходе многолетних исследований пришли к важному выводу о стабильном сохранении базисных характеристик антропологического облика насельников казахстанских степей (предков современных казахов) на протяжении нескольких тысячелетий; археологи радуют своими новейшими археологическими открытиями/сенсациями, масштабом своих исследований; востоковеды, в результате своих источниковедческо-археографических экспедиций в библиотеки и архивы зарубежных стран, выявили целый «корпус» не известных науке исторических документов (но введение их в научный оборот – дело не скорое); этнографы, к сожалению, пока не активизировались, а ведь глобализация, вестернизация стремительно унифицируют и обезличивают современный казахский аул и современный казахстанский город.

Исследование казахского кочевого/полукочевого социума должно базироваться на принципиально новых, для казахстанской исторической науки, научных принципах, и использовании новейших теоретико-методологических и конкретно-методических практик и инструментариев. Современники каждой исторической эпохи вновь и вновь, на новом уровне (но опираясь на «плечи» предыдущих поколений ученых-профессионалов) осмысливают свою историю (начиная с палеолита), свое место в контексте общечеловеческой цивилизации. Актуально и для нашей новой эпохи звучат слова выдающегося мыслителя Фридриха Энгельса: «...наше [К.Маркса

и Ф.Энгельса] понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегельянства. *Всю историю надо изучать сызнова*» [курсив наш – Е.О.] [2].

Большинству исторических исследований (истории Казахстана и казахского народа) советского периода (да и настоящего времени тоже) была (и есть) присуща конъюнктурность, политико-идеологическая ангажированность, априорно-идеалистический подход, тенденциозная подача материала, фрагментарность и нечеткость приводимых сведений, а также привлечение в качестве доказательств весьма сомнительных (порой фальсифицированных) источников. Действительно – «историю надо изучать сызнова!».

Феномен кочевничества (пронизывающий и детерминирующий весь макро- и микрокосм традиционного казахского общества в недавнем историческом прошлом, и имманентно сохраняющийся, в концентрированном виде, в константах современной казахской ментальности) должен исследоваться как *система хозяйства* (причем особое внимание следует уделить его культурно-исторической функции, в зависимости от конкретно-исторической эпохи), как *средство к жизни*, как *образ жизни*.

Феномен кочевничества плодотворно исследовать *системно и комплексно*, во-первых – применительно собственно к объекту исследования, во-вторых – «задействуя» поисково-аналитические возможности целой группы научных дисциплин: истории, археологии, этнографии, культурологии, социологии, искусствоведения, исторической лингвистики, ономастики, исторической географии, физической географии, геологии, этноботаники, археологии, исторической архитектуры, методы картографирования, топосъемки, аэросъемки, космосъемки, экспертного анализа (инженерно-строительного, химико-технологического и др.)...

Научный потенциал сотрудников «Казахского НИИ по проблемам культурного наследия номадов» (и привлекаемых к сотрудничеству специалистов узкого профиля иных специальностей), имеющийся задел последних лет деятельности Института – позволил в настоящее время значительно конкретизировать и уточнить проблематику, связанную с разнообразными процессами функционирования традиционного кочевого казахского общества, наметить и осуществить серию беспрецедентных масштабных конкретных исследований (в т.ч. и полевых) отдельных аспектов темы, сформулировать новые научные вопросы и проблемы, создать фундаментальную базу-основу для конкретного, профессионального (базирующегося на собранных репрезентативных, уникальных, комплексных научных материалах) решения проблем и вопросов темы. Мы используем принципиально новый подход к использованию историко-этнографических данных для реконструкции явлений традиционного кочевого образа жизни, что дает новые возможности для более глубокой разработки поставленных научных проблем, которые рассматриваются нами в принципиально иной плоскости, что, безусловно,

связано с новыми теоретико-методологическими и конкретно-методическими «новациями», с новым уровнем поисков причинно-следственных связей явлений и феноменов, анализа, осмысления, интерпретации.

Проанализируем некоторые фундаментальные принципы-основы нашего исследовательского Проекта, которые являются, в некотором роде, «технологическим know-how» для казахстанского «профессионально-исторического пространства», и, в то же время, безусловно, актуально-востребованы в условиях современного развития Казахстана, как в «роли» методы-инструментария, так и в случае выдачи «на-гора» репрезентативного научного материала-результата.

Наш научный Проект развивает творчески идеи этноэкологического принципа исследования казахского кочевого хозяйства известного казахского кочевниковеда Нурболата Масанова. Теоретически необходимость экологического подхода в зарубежной науке была обоснована Г.Кларком, Дж.Стюардом и Л.Уайтом, в России это направление разрабатывали, в частности, В.И. Козлов, И.И. Крупник и др.

Казахстан является по многим параметрам своеобразным, уникальным государством, и самым отличительным признаком является наше *кочевническое прошлое* (а казахи современной Монголии вновь вернулись к сезонным перекочевкам!). Кочевая (конно-кочевая) цивилизация тюрко-монгольских народов с ее блистательными достижениями, значительным вкладом в общемировую сокровищницу образцов, идей материальной и духовной культуры, ролью «генератора истории», тысячелетней «безотходной» этноэкологической культурой, «наработанными» технологиями гармоничного единения трех фундаментальных источников, составных частей антропомироздания – человека, природы, социума – представляет собой самобытную, «судьбоносную» часть мировой истории планеты Земля, органичное звено в «ожерелье» мировых цивилизаций.

Понимание основных, базисных принципов функционирования традиционного казахского хозяйства и социума, существование которых было основано на принципах кочевничества, научная реконструкция многокрасочной кочевой жизни-повседневности, органической взаимосвязи универсальной триады: человек–социум–природа – актуально и востребовано и в XXI веке. Во-первых, это наша история, источник, из которого казахстанцы будут всегда «черпать» идеи, брать пример, гордиться ею и критиковать, она всегда с нами, «присутствует» в качестве основного «ингредиента» в нашем менталитете; во-вторых, несмотря на все сверхсовременные технологические новшества (в отношении которых мы, к сожалению, выступаем всего лишь пассивными потребителями) – казахская Степь, казахская природа осталась прежней (вернее, намного более обедненной, зараженной, деградированной по причинам варварски-техногенного характера), а, значит, нам необходимо снова возродить почти утраченные навыки гуманно-экологического ведения хозяйства и всей

жизнедеятельности, согласуя, синхронизируя, и симбиозно, с ритмами Природы.

Важен принцип комплексного культуролого-этнографического анализа в ходе проведения полевых экспедиций, основанный на понимании культуры как *адаптивного механизма* к различным средам человеческого существования. Казах-кочевник, как в условиях аридности бескрайних казахстанских степей и пустынь, так и в зонах редких лесостепи, сопок, гор – благодаря тысячелетней пластичной, этноэкологической культуре и этике, максимально бережно, щадяще и, одновременно, комплексно, эффективно, безотходно использовал природные ресурсы, не нанося Природе «незаживающих ран» [3]. Поистине, для кочевника казахских степей домом являлась, без преувеличения, вся Степь. (А ведь любой кочевник степей и пустынь в прошлом являлся не только путешественником, следопытом, охотником, всадником, легко ориентировался в пространстве, в т.ч. и ориентируясь по небу, но и пересекал в течение года такие пространства, какие никакому суперскауту недостижимы, и кочевание для номада – не игра и приключение, а сама жизнь, в которой есть, помимо понятных трудностей, тягот и упорного труда – радость, свежесть чувств и впечатлений, удивление, восторг, счастье, сотрудничество, соучастие, сродство... А ведь, неплохая идея – создать в нашей стране скаутское детско-юношеское движение «с кочевническим содержанием»!).

Следует подходить к исследованию феномена кочевничества *дифференцированно*, ибо в разных природно-экологических условиях характер и структура комплексного традиционного казахского хозяйства варьировались (монодеятельность возможна, вероятно, лишь в крупном городе или урбоагломерации, но не в аграрном социуме, тем более не в номадном, для которого характерен принцип дисперсного расселения населения). Материалы и выводы наших исследований (относящиеся к этой проблеме), могут представлять практический интерес для субъектов аграрного сектора экономики, для селян/аульчан республики [4].

Впервые в казахстанской историографии коллектив Казахского НИИ ПКНН исследует казахское кочевничество не «абстрактно-рефлексивно», умозрительно-теоретически, а на фундаменте строго документального, «материально-приземленного», «визуально-осязательного» корпуса источников, на базе мозаично-блоковых сведений и информации многих научных дисциплин, и, главное, на материале собственных полевых экспедиций и уникальных, неизвестных до этого архивно-литературных материалов, различных географических и иных карт, скопированных нами в библиотеках и архивах стран СНГ и Западной Европы.

Впервые в казахстанской историографии мы вводим и активно используем наглядно-иллюстративный *метод картографирования культурно освоенного пространства* казаха-кочевника. (В советское время проводилась интенсивная работа по созданию «Историко-этнографических Атласов» во всех союзных республиках. Увидели свет фундаментальные

ИЭА «Русские», ИЭА «Народы Сибири», ИЭА «Народы Прибалтики», ИЭА других республик, кроме Казахстана, хотя работа в Казахстане по этому проекту проводилась. К сожалению, казахстанские советские этнографы так и не сумели приблизиться к созданию подобного Атласа по Казахстану).

Нами получены типологически важные данные о хозяйственной деятельности казахских кочевников, проведен анализ системы расселения и типы зимних усадеб (*қыстау*), стационарных и переносных жилищ. Значение *қыстау*, как в хозяйственном цикле, так и в образе жизни, в духовной культуре – очень велико и всеобъемлюще-содержательно. Не случайно, именно на *қыстау* находятся родовые кладбища казахов. (В настоящее время казахский аул переживает нелегкий период своего бытия: миграция аульчан в города и райцентры, принявшая массовый характер, социальное расслоение в ауле, безработица, отсутствие элементарных условий жизни.

Отрадно, что в последние годы правительство приняло ряд конструктивных решений и мер по подъему сельского хозяйства и аула/села – выделены значительные финансовые средства, началось строительство объектов социальной инфраструктуры на селе, приняты меры по стимулированию приезда молодых специалистов в села на работу. К сожалению, малые мононациональные казахские аулы, в отдаленных регионах/районах, по-прежнему предоставлены сами себе. Но одно, к сожалению довольно редкое, явление в жизни этих отдаленных аулов привлекло наше внимание и заявило о себе как о положительном симптоме/тенденции современной аграрной жизни. Некоторые, немногие семьи, сплоченные, дружные, с традиционной ментальностью, имеющие в своей среде лидера-работягу, коренные-местные, *занимают места и территорию зимовок-қыстау своих предков* и, поскольку знают эту местность, родную, как свои пять пальцев, умеют/не разучились ухаживать за скотом – прекрасно укореняются, становятся, по сути, автономными крепкими «фермерами/ранчеро», и успешно ведут свое, в значительной степени автономное, почти натуральное, хозяйство. Поскольку места сии очень отдаленные, малозаселенные, то и соперничества за землю нет, или не столь остро. Подготовленные нами карты весьма могут быть востребованы в современных условиях возрождения аула/села, политики рационального, гуманно-экологического использования сельхозугодий).

* * *

В течение последних пяти лет коллектив «КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов» (г. Алматы), *под руководством директора Института, кандидата исторических наук Ирины Викторовны Ерофеевой*, проделал огромную научно-исследовательскую работу пионерского, новаторского характера: были проведены несколько комплексных полевых экспедиций, ряд конференций международного масштаба [5], изданы многочисленные фундаментальные труды – монографии, сборники, статьи... [6].

На исходе 2011 года состоялась официальная презентация нового масштабного итогового издания Института: «Историко-культурный атлас казахского народа / Ответственный редактор – директор КазНИИ ИКНН, канд. ист. наук И.В.Ерофеева.–Алматы: «Print-S», 2011. – 300с.+54с. карт+24 с. вкл.». Приведем более расширенную характеристику-презентацию данного Атласа.

Этот Атлас является итоговым воплощением плодотворно-новаторской концепции-идеи основателя Института, кочевниковеда Н.Э.Масанова, по систематизации и картографированию основных маркерных элементов компонентов кочевого модуса бытия классического представителя евразийских номадов – казахского народа.

Н.Э. Масанов, теоретико-аналитически исследовав в своих трудах системно-структурные связи традиционного казахского кочевого хозяйства и образа жизни, удачно выделил основные, узловые объекты кочевой культуры.

Главным научным методологическим принципом для авторов и составителей Атласа явился продуктивный и объективный *интеграционный, междисциплинарный* подход к сбору, систематизации, анализу, обобщению богатейшего материала и формулированию итоговых выводов.

Наряду с историками, археологами и этнологами над созданием Атласа трудились специалисты геолого-географического цикла наук: геологи, геоморфологи, биологи и палеоботаники. В Атласе подробно рассматриваются природно-географические факторы становления и развития кочевого скотоводческого хозяйства, материальной и духовной культуры казахского народа, исторические этапы формирования его геополитического и социокультурного пространства и историческая география расселения казахских родов и племен на территории Казахстана. Основное место в книге уделено эколого-экономическим истокам номадной культуры казахов и ее недвижимым материальным памятникам: кыстау, жайлау, маршрутам перекочевков, колодцам, караванным путям, памятникам земледельческой и городской культуры – наскальному искусству и эпиграфике. Атлас включает в себя наряду с научными текстами комплект полноцветных ландшафтно-геоморфологических, исторических и историко-этнографических карт, отражающих пространственную локализацию различных объектов материальной культуры казахов XV – начала XX в. по разным географическим регионам страны. Авторские тексты богато иллюстрированы новейшими фотографиями, аэрофотоснимками и старинными рисунками историко-культурных памятников.

Уникальные теоретико-методологические инструментари и технология специализированных научных методик, авторами которых являются, в первую очередь, известные казахстанские ученые Н.Э.Масанов и И.В.Ерофеева, а также другие исполнители конкретных разделов издания, своего рода know-how для мирового научного кочевниковедения, и,

как можно ожидать, будут применены для исследования других исторических и современных кочевых этносоциумов.

Пространственно-временные связи между природным ландшафтом, материальным объектом культуры и социумом продемонстрированы в собрании карт Атласа. В отечественном номадоведении не было системной локализации памятников культуры казахов на современной топооснове, которая соотносится с топографической основой карт XIX–первой четверти XX в.

В Атласе впервые осуществлено картирование историко-культурного пространства казахского народа на картах, отражающих координаты географического положения памятников в хронологических рамках от средневековья до наших дней.

Атлас, подытоживающий многолетнюю научно-исследовательскую работу коллектива Института, содержит, помимо вышеперечисленных текстовых разделов и карт, ряд *итоговых результатов* (как явных, так и нацеленных на перспективу), содержащих безусловную научную новизну, прорывные научно-теоретические и многофункциональные практико-прикладные компоненты-«характеристики» и высокопотенциальную научную эффективность.

Приведем некоторые из них:

– в Атласе впервые систематизированы и обобщены археологические, этнографические, исторические, архивные, музейные и иные материалы по памятникам материальной культуры казахов-кочевников в историческом разрезе и регионально-территориальном ракурсе, на фоне непрерывной социополитической истории страны и погружения в наглядную реальность ландшафтно-геоморфологического строения Казахстана;

– впервые суть, реалии, особенности, достижения феномена кочевничества, кочевой культуры, кочевого хозяйственно-культурного типа, конно-кочевой степной евразийской цивилизации, на примере казахского этноса (в рамках так называемого «собственно казахского исторического времени», начиная с середины XV и ограничиваясь началом XX века, временем начала «конца» эпохи казахского *традиционного общества*) –

систематизированы, обобщены и наглядно представлены в зримом картографическом виде;

– материалы Атласа, собранные, систематизированные, обобщенные коллективом Института, содержат уникальные данные разнообразных научных дисциплин, как традиционного социогуманитарного направления (истории, источниковедения, архивные данные, картографии, археологии, этнографии, топономастики, музейные источники, лингвистики, фольклористики и др.), так и наук сферы естествознания (географии, геоморфологии, геоминералогии, ландшафтоведения, гидрологии, почвоведения, ботаники и др.), а также аэрофотосъемки, космофотосъемки, точной пространственно-координатной навигации и др.; в свою очередь, ученые разнообразных научных дисциплин будут черпать из Атласа идеи для

своих гипотез, разработок; в настоящее время прорывные креативные идеи зарождаются именно на стыке «близкородственных», и не очень, наук;

- уникальные материалы, содержащиеся в нашем Атласе, позволяют читателям зримо «обозревать» различные грани бытия казахского кочевого социума в указанные эпохи;
- проштудировав наш Атлас (как мы надеемся и уверены в этом), мировое научное сообщество наконец-то получит значительный, информативный «блок» информации по истории эволюции материальной культуры одного из крупнейших конно-кочевых этносов мира – казахов и сможет, отныне, сравнивать ее с относительно добротной и качественно исследованной историей кочевников как прошлых эпох (скифы, гунны и др.), так и настоящего времени (бедуины, кочевники Среднего Востока, монголы);
- материалы Атласа, мы уверены, дадут богатую «пищу» для размышлений, рефлексий и содержательный стимул для поиска-конструирования новых контуров казахской и казахстанской самоидентичности (которая, при безусловном «наличии» в своем содержании идеи и реалий креативной адаптации к современной мировой цивилизации, должна, также, безусловно, опираться на фундамент-базис гуманистического, светлого, жизнеутверждающего симбиоза реактуализированных традиционных этнических ценностей и органичного восприятия-абсорбции веяний исторического потока-времени);
- материалы Атласа, надеемся, послужат убедительной источниковой основой для актуальнейшей мега-задачи всех, в прошлом, кочевнических народов Евразии – обосновать суть, место, историческую роль и потенциально креативно-гуманистическую роль и потенциалы в настоящем и будущем, феномена *кочевой цивилизации*; дух и аромат кочевничества, такие его гуманистическо-цивилизированные элементы, как: этноэкологическая гармония универсальной триады человеческого бытия «человек–Природа–социум», толерантность, уникальная глубина исторической памяти, уникальная степень адаптации к разнообразным условиям, веяниям, вызовам, открытость к контактам, инновациям, широта души..., – очень притягательны, востребованы в условиях явно обозначившегося тупикового безудержного развития т.н. западного общества потребления;
- материалы Атласа являются хорошей информационной базой для возрождения традиционного топонимического ландшафта Казахстана; топонимы являются самым ярким, зримым, ценным элементом национальной культуры, истории, важным почвенно-территориальным маркером былого присутствия (проживания, владения) какого-либо этноса в конкретном ареале, и современного факта эмоционально-духовного «обладания» данным квадратом земли, материальной основой любви к отчему краю, земле;
- материалы Атласа могут быть полезны, и, надеемся, он станет «настоющей книгой» для представителей центральной, региональной и местной власти в Казахстане; помимо возрождения заброшенных аулов, они, возможно,

поймут рентабельность этнотуризма и экотуризма, возьмут под охрану, благоустроят, отреставрируют памятники материальной культуры казахского народа (представленные в Атласе), откроют этнопарки под открытым небом (типа «скансен»);

– возможно, сельские жители Казахстана, аульчане, ознакомившись с Атласом, с энтузиазмом предпримут попытку возродить жизнь в заброшенных родовых кыстау, введут в сельскохозяйственный оборот заброшенные земли, пастбища, водные источники, приведут в порядок землю своих предков; в родные аулы вновь потянется неприкаянная молодежь, прозябающая на базарах и стройках городов; и вновь возродится казахская Степь!;

– по примеру развитых стран Запада и Востока, материалы Атласа (как объективный научный источник) можно использовать для всякого рода популяризаций, в виде написания на их основе приключенческих, исторических рассказов и романов, создания фильмов и сериалов, комиксов, тематических фестивалей-празднеств-ярмарок (вспомним фильмы про ковбоев, ниндзя, самураев, исторические романы Вальтера Скотта, Александра Дюма, фестивали-шествия в Западной Европе, которые проводят чуть ли не каждая деревушка и улица-квартал города – все это «работает» на стабильный, высокотонусный уровень самоидентичности, на национальный и местно-локальный патриотизм, на нейтрализацию всяческого негатива, привлекает туристов, высокоприбыльно и рентабельно);

– материалы Атласа, являясь примером качественной, профессиональной научной продукции, могут быть полезны и необходимы также и для широких слоев казахстанского общества, в т.ч. для учеников школ, студентов, и, надеемся, станет хорошим качественным подспорьем-пособием в деле стратегическо-государственной важности – воспитания юных поколений казахстанцев в духе уважения, любви и гордости за свою Родину, за нетленные ценности и достижения конно-кочевой степной цивилизации Евразии.

Вышедший в свет «Историко-культурный атлас казахского народа» является крупной сенсационной удачей исследователей-кочевниковедов казахстанской научной школы, одним из основателей которой является Н.Э. Масанов.

* * *

В настоящее время коллектив Института продолжает работу над Проектом «*Краткого энциклопедического словаря исторических топонимов кочевников Казахстана*».

Для молодого независимого Казахстана особую актуальность приобретает задача определения своего места в реалиях современного постиндустриального, информационного общества, определение вектора своего развития в ближайшие десятилетия, активный поиск новой национальной идеи, поиск новой идентичности. Все эти стратегические цели и задачи не будут иметь своего позитивного решения без трезвого, прагматичного осмысления своего прошлого, своей противоречивой,

сложной истории, своей этнической культуры, культуры всех этносов, проживающих в Казахстане и вместе составляющих единый народ, единое гражданское общество.

Одним из важнейших составных частей культурного наследия любого этноса и народа, наряду с архитектурой, литературой, музыкой... – является наследие/богатство этнической, территориальной *ономастики*: топонимии, антропонимии, этнонимии, и т.п. В цивилизованных странах Европы бережно относятся к любым топонимам. Многие западноевропейские топонимы – кельтского происхождения и непонятны современному населению, но, тем не менее, они бережно сохраняются и не переименовываются.

А в честь героев-современников европейцы называют библиотеки, культурные центры, аэропорты, Фонды, парки, стадионы, космические объекты... К сожалению, у нас в Казахстане варварски уничтожаются традиционные вековые топонимы и заменяются на имена национальных героев (бывает, и не заслуженных). В результате появляются на карте такие «шедевры» как: Райымбекский район (вместо прежних прекрасных названий – Нарынкольский и Кегенский), Карасайский район, Турар Рыскуловский район, Толебийский район, Габит Мусреповский район... Мы сами уничтожаем прекрасные ветви нашей национальной культуры, не понимая, что топонимы являются графически и фонетически зримыми и слышимыми, священными маркерами и знаками, маяками и знаменами нашего многотысячелетне-освоенного *культурного пространства*, «сертификатом-мандатом-брендом» каждого уголка нашей Родины, культурно-историческим кодом нашей Истории, символами-графемами национальной Книги культуры, которую надо беречь и лелеять пуще Корана и Библии. Безусловно, и мы когда-нибудь достигнем уровня культуры цивилизованного мира... [7].

Мы полагаем, что одним из наиболее значимых, информационно-семантических, «зримых» (неразрывно связанных в памяти людской с территорией, землей, почвой страны) элементов национальной культуры и истории являются *топонимы*.

Топоним есть, с одной стороны, элемент культуры, истории, точно маркирующий данный, конкретный объект территории, поверхности земли (воды), своего рода ярлык-указатель, веха. Топоним маркирует (как система градусной сетки на планете Земля и планетах земной группы) пространство-территорию проживания какого-либо этносоциума, помогает человеку упорядочить хаос-безвестность-мглу пространства, обжить его, ориентироваться в нем. Посредством других онимов (антропонимы, зоонимы, фитонимы, космонимы...) – человек также упорядочивает и остальной мир вокруг себя, индивидуализирует себя и окружающих людей, фауну, флору, небесный мир и т.п.

С другой стороны, топоним, являясь словом (в его фонемном и графемном вариантах), в концентрированно-кодированном виде хранит этно-окрашенное восприятие человеком-социумом окружающего его мира,

части, элемента этого географо-пространственного мира, удивительным образом фиксирует (как обожженная керамика, кусок дерева) историческую эпоху, во время которого он (топоним) появился или был зафиксирован в письменном виде.

Топоним является своего рода пограничным столбом-пунктом, очерчивающим ареал расселения того или иного этноса в пространстве и времени. Ценность топонима (информативная, научная, государственно-стратегическая и иная) для этносоциума, страны, государства – безусловно много выше, чем иные расхожие, популистско-рекламные знаки-идолы современной национальной культуры. Пора нам всем уяснить одну, такую очевидную мысль, что топонимы не могут быть видом частной или корпоративной собственности, а являются *достоянием всего народа, всей страны, и, даже, всего человечества!*

Нами проведено многоаспектное исследование номенклатуры названий географических объектов (собственных имен, этнонимов, клиотопонимов, антропонимов и т.д.), многие из которых будут указаны на подготовленных нами специальных картах. Наши современники получат возможность иметь на руках относительно подробные карты, со множеством старых топонимов – жемчужин национальной культуры.

Мы полагаем, что научная эффективность результатов, которых мы планируем достичь в ходе работы над нашим Проектом – безусловна и очевидна:

– впервые будет создан *«Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов кочевников Казахстана»*.

– впервые будут указаны все варианты конкретного топонима, как народные, так и общепринято-литературные, как наименования конкретного объекта на языке автохтонов или соседних этнических групп, так и зафиксированные на разных исторических картах, в разных исторических письменных источниках, в том числе в дотоле неизвестных архивных документах;

– впервые, в удобном схематическом виде (таблицы), будут систематизированы, обобщены исследуемые топонимы и к ним приложены все вариативные данные письменных исторических источников;

– материалы Словаря впервые обобщат все данные (множеств смежных, и не очень, наук) по историческим топонимам Казахстана; в итоге будет решено несколько задач:

а) казахской национальной культуре, наконец-то будет в систематизированном виде возвращено ее историческое топонимическое наследие;

б) государственные мужи и власть имущие, возможно поймут, что современной политике по вакханально-варварскому переименованию топонимов в стране должен быть поставлен надежный заслон; материалы Словаря дадут прекрасный, научно и цивилизованно оформленный материал по топонимическому богатству Казахстана, из которого можно будет черпать варианты, которые были (или бытуют в местно-народной форме, в локальном ареале) органично и исторически укоренены на данной

территории, осмысленно-точно отражали (отражают) своеобразие и уникальность данного топонимического пункта, в концентрированной форме сохраняют в себе аромат, реалии, суть конкретной исторической эпохи, «обросли» легендами и преданиями, «завоевали» место в народном фольклоре, искусстве, музыке, в памяти народной.

Первые упоминания топонимов, расположенных на территории Казахстана, встречаются уже в источниках древнего и раннесредневекового периодов истории, например, в Авесте, трудах античных историков и географов, у Махмуда Кашгари... Эти данные весьма и весьма разнятся и противоречат друг другу. Несколько поколений исследователей XX века вновь и вновь пытались и пытаются адекватно интерпретировать эти сведения и точно локализовать на современных картах. Представленные впервые воедино, в формате одной статьи, в хронологической динамике, эти сведения и факты несут в себе аккумулированную энергию знания, панорамного освещения истории конкретного топонима.

Впервые, широко и комплексно использованные авторами представленных статей, данные из исторических карт Нового времени (многие из которых впервые вводятся в научный оборот), выполняют важнейшую (ранее в историографии не выявлявшуюся и затушеванную) функцию – варианты наглядно-зримо существующей локализации топонима в пространственно-координатной сетке. Комплексное использование картографических данных по локализации конкретного топонима позволило также прояснить вопрос исторической смены топонимов (их вариантов), изменения ландшафтных особенностей локальной территории, вследствие природно-климатических изменений и катаклизмов, антропо- и техногенных причин.

В статьях широко использованы данные по казахстанским топонимам, наличествующие в объемной историографии нового, новейшего и современного периодов истории. Приводя все опубликованные варианты этимологий топонимов, авторы статей часто уточняют и «обогащают» наиболее научно-приемлемый вариант, либо, на основании комплексных данных многих научных дисциплин и, что важно, собственных *полевых научных экспедиционных исследований*, предлагают свой, авторский оригинальный вариант этимологии.

Первые, уже написанные статьи будущего Словаря построены по разработанной Институтом структуре: дается локализация топонима, первая его письменная фиксация в источниках, варианты произношения и написания, местные легенды, история изучения топонима, этимология, семантика и этимология топонима, природно-ландшафтный, этнокультурный, конкретно-исторический фон топонима. Статьи базируются на солидном фундаменте исторических источников, карт, специализированных научно-топонимистических штудий и прочей литературы. А самое важное – топонимы исследуются *комплексно и системно*, с активно-креативным

использованием данных целого ряда социо-гуманитарных и естественных наук.

При написании первых статей, например, была использована разнообразнейшая источниковая, научная, справочная и иная литература:

А) карты Нового времени: Генеральная карта Российской империи. 1745; Генеральная карта Российской империи. 1776; Карта Оренбургской губернии. 1772; Книга Большому Чертежу; Красильников И. Карта нижней яицкой дистанции от Гурьева города до Каспийского моря. 1775; Ремезов С.У. Чертежная карта Сибири. 1701; и др.

Б) труды путешественников, чиновников, исследователей древности, средних веков, Нового времени: Авеста; Античная география; Махмуд Кашгари; Мухаммед Хайдар Дулати; Дженкинсон А.; Левшин А.И.; Рычков П.И.; Макшеев А.И.; Бичурин Н.Я.; Валиханов Ч.Ч.; Риттер К.; Барданес Х.; Даль В.И.; Миллер К.; Голубев А.Ф.; Путимцев А.Т.; Семенов-Тянь-Шанский П.П.; и др.;

В) труды ученых XX–XXI вв.: Аманжолов С.; Федчина В.Н.; Шнитников А.В.; Кононов А. Н.; Конкашпаев Г.К.; Жанузаков Т.; Конкабаев К.; Таракты Акселеу; Молчанова О.Т.; Берг Л.С.; Мурзаев Э.М.; Агаджанов С.Г.; Греков В.И.; Умурзаков С.; Гвоздецкий Н.А.; Николаев В.А.; Горбунов А.; Государственный каталог географических названий Республики Казахстан; Кляшторный С.Г.; Султанов Т.И.; Кондыбай С.; Байпаков К.М.; Байжантаев Б.; Ұлытау-Жезқазған өңірінің жер-су атаулары; и др.

Г) данные полевых научных экспедиций авторов статей, двуязычных словарей, многочисленных опубликованных шежере/родословных, сайтов Интернета и др. Написаны (в первом варианте) несколько статей для Словаря, по конкретным топонимам (Горбунов А., Ерофеева И.В., Оразбек Е.Ж. и др.).

Приведем некоторые данные из статей А. Горбунова о древних топонимах Казахстана. Первые сведения по некоторым топонимам Казахстана дает одна из древнейших книг «Авеста» (VI в. до н. э.), в ней приводится название Каспия того времени – море Ворукаша, Аральского моря – Чайчиста, Сырдарья – Датья.

Географы античного и арабского времени (*Геродот, Аристотель, Якут, Идриси* и др.) упоминают древние названия таких современных топонимов, как Каспий, Мангышлак, Балхаш, Арал и др.

Территория Казахстана с древнейших времен являлась частью цивилизованной ойкумены, и его топонимы были зафиксированы в письменных источниках тех эпох.

Источники монголо-тюркского времени (*Махмуд Кашгари, Мухаммед Хайдар Дулати*), являются наиболее ценным источником по топонимам, ибо в них приводятся наиболее близкие к оригиналу написания конкретных топонимов и наиболее точная их локализация. Так, Мангышлак (Мәнкишлаг) упомянут в сочинении Махмуда Кашгари XI в. Мән – овца четырехлетняя у М.Кашгари. Следовательно, по Кашгари, топоним осмысливается как кишлаки (поселения) овцеводов или овечьих пастухов. Во

времена М.Кашгари, Балхаш назывался Теринг-куль (Обильное озеро, на огузских наречиях). М.Кашгари и М.Х.Дулата также приводят убедительную форму и этимологию топонима Шарын/Чарун (от староуйгурского слова 'ч .р .н' – названия реликтового ясеня).

Первое безыменное изображение озера *Алаколь* появилось на китайской карте времен династии Старший Хань, т. е. не менее 2000 лет назад (Бичурин, 1950). Кимаки (IX–XI вв.) называли озеро – Гаган, по имени города, находившегося на его юго-западном побережье, на месте нынешнего поселка Коктума (Байпаков, 2007). Во времена Тимура это озеро упоминалось как Улугколь, т.е. Великое озеро. Одно из первых картографических изображений Алаколя принадлежит С.У.Ремезову (1882), на его карте 1697 г. На карте, которая была составлена в 1760 г. Ф.И.Соймоновым, Г.Ваймарном и К.Фрауендофом показано озеро Алакуголь (также форма Алакуголь приводится у А.Т.Путинцева, А.И.Левшина и А.Ф.Голубева).

Топоним Алакуль обычно осмысливают как: «Пестрое озеро» (казах.). С географических позиций логичнее было бы – «Большое Озеро». В этом случае слово «ала» восходит к древнетюркским словам «улу, улу или оло», т.е. «большое» (Жанузаков, 1998).

Горы «*Алатау*» обычно принято осмысливать и как «Пестрые горы». Но известные топонимисты (С.Умурзаков, Т.Жанузаков, К.Конкобаев и Э.М.Мурзаев) исходят из того, что в древнетюркских языках «ала» означало что-то большое, великое. Известно старокиргизское слово «оло», т.е. Великие горы.

Аральское море. У местного казахского населения был в ходу гидроним «Кокше тениз» (Синеватое или Синеющее море). Самым обоснованным и логичным является этимология и семантика топонима «Арал», предложенная правителем Хивы и известным историком Абулгази Бахадур-ханом. В середине XVII в. он сообщил, что острова в дельте Амударьи издавна были заселены. Их жителей называли «аралдык», т.е. островитяне. Поэтому и озеро стало называться «Морем Островитян».

Река *Или, Иле.* Первое безыменное изображение Или появилось на китайской карте времен династии Старший Хань (Бичурин, 1950). Ее наименование восходит к древнетюркскому «Йил», что означает река, вода.

Первое описание и картографическое изображение *Каспийского моря* принадлежит Геродоту (V в. до н. э.). Это этнотопоним, он восходит к наименованию древнего народа, каспиев, обитавшего по западному побережью моря (Античная география, 1953). В Авесте (1998) Каспий назван Море Ворукаша. В китайских хрониках времен династии Старший Хань, т.е. около 2000 л. н., оно именуется Циньхай или Западным морем (Бичурин, 1950). Аристотель Каспий знал под именем Гирканское. В Средневековье его называли Гвелешелан–Гилян (XIII в), Джурджанское озеро, Хазарское или Море Хазар (XIV в), Хвалимское или Хвалынское (XVI–XVII вв.), Персидское, Московское, Табаристанское. У Хайдара Дулата (XVI в.) оно – Кулзум.

Река *Шилик*, *Чилик*. Шилик – казахское название разновидности ивы, которая в изобилии произрастает в дельте реки Шилик. Поэтому название реки и поселка, по мнению Г.К.Конкашпаева (1963), связано с этим невысоким деревом.

Возвышенность Козыбасы (что находится на территории Жамбылского района Алматинской области и являлась местом ставки Казахского ханства в начальный период его становления) упомянута у Мухаммеда Хайдар Дулати. Топоним осмысливается как «Небольшая возвышенность», а не «Голова ягненка», как это следует из буквального перевода с казахского. Дело в том, что возвышенность Козыбасы самая небольшая и самая невысокая среди здешних гор. Она, иносказательно, как ягненок в отаре овец. Но, не исключен и этноним «козы».

В ходе работы над статьями «Билеуты», «Буланты» и «Карасеры» (автор – Е.Ж.Оразбек; топонимы находятся в Улутауском районе, в Центральном Казахстане) были использованы уникальные, систематизированные и проанализированные данные полевой научной экспедиции в Улытауский район Карагандинской области (2010 год).

Использование авторами статей разнообразных и разновременных источников позволило максимально адекватно представить и историю топонима и наиболее приемлемый, логичный вариант этимологии его.

Главная специфика, отличие и новаторско-научная ценность нашего методолого-методического подхода к составлению и написанию *«Краткого энциклопедического словаря исторических топонимов кочевников Казахстана»* заключается именно в комплексно-системном принципе. Конкретный топоним исследуется, «сканируется» одновременно в трех «плоскостях»: природно-ландшафтном, этнокультурно-этносоциальном и конкретно-историческом фоне. Литература прежних эпох, в которой специально исследовалась, либо косвенно освещалась топонимика Казахстана, к сожалению, грешит односторонне-одноплоскостно-схоластическим видением какого-либо топонимического «объекта», вне связи с микро- и макро- геоландшафтным, этнокультурным и этнополитическим фоном, среды, континуума.

Е.Ж. Оразбек

Литература

1. Оразбек Е.Ж. Национальная идея и современный казахский аул //Отан тарихы (ж.). – Алматы, 2010– №3.– С. 107-124.
2. Энгельс Ф. Письмо к Шмидту 5 августа 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения.– Изд. 2-е.– М., 1962.– Т. 37.–С. 371.
3. Оразбек Е.Ж. Роль жайлау в системе кочевого скотоводства казахов//Отан тарихы.– Алматы, 2011.– №3. – С. 97-127.

4. Оразбек Е.Ж. Современный казахский аул: этнокультурные и этносоциальные процессы (Глава 3. § 3) // История независимого Казахстана: монография / Под общ. ред. Х.М.Абжанова, Л.Н.Нурсултановой. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2011.–(400 с.). – С.130-138.
5. Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008.–268 с.+8 с. вкл; Научные чтения памяти Н.Э.Масанова: Сборник материалов научно-практической конференции.– Алматы: Дайк-Пресс, 2009.–208 с.+28 с. вкл; Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана: Научные чтения памяти Н.Э.Масанова: Сборник материалов Международной научной конференции, г. Алматы, 23-24 апреля 2009г. – Алматы, 2010.–548 с. + 42 с. вкл.; Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства: Научные чтения памяти Н.Э.Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции, г. Алматы, 22–23.04.2010. – Алматы: «Издательство LEM», 2010.– (400 с. + 28 с. вкл.; тираж – 500 экз.).
6. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения / И.В.Ерофеева, Б.Ж.Аубекеров, А.Е.Рогожинский, Б.Н.Калдыбеков, Б.Т.Жанаев, Л.Л.Кузнецова, Р.Д.Сала, С.А.Нигматова, Ж. – М.П.Деом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008.–276 с.+56 с. вкл.; Археология Семиречья. 1857–1912 гг.: Сборник документов и материалов / Составитель: И.М.Самигулин / Отв. ред.: Б.Т. Жанаев. – Алматы: «Издательство LEM», 2011.– 664 с.+28 с. вкл.; «И вздрогнула земля...»: Из истории землетрясений в Семиречье: Сборник документов и материалов / Составитель И.М.Самигулин. – Алматы: Издательство LEM, 2011. – 760 с., илл.; История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. – Алматы: Издательство LEM, 2011. – 436 с.+16 с. вкл.; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, дополненное / Сост.: Л.Е.Масанова, И.В.Ерофеева. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.;
7. Оразбек Е.Ж. История сокрыта в слове (о книге Марата Семби «Тюркский меридиан: следы времен минувших». – Алматы: КазНИИКИ, 2002.–128 с.). // Вестник КазНИИКИ (ж.). – Алматы, 2004.–№ 1. – С. 51-54.